

ЧТО ТАКОЕ ИУДЕОХРИСТИАНСТВО?

Друзья! Меня попросили рассказать вам о некоторых событиях, лицах, именах, о моих соображениях по вопросу: что такое иудеохристианство? Существует ли вообще такое явление или это миф? Я всю жизнь вокруг этой темы и думал, и действовал. Не взъщите, если что-нибудь будет коряво или недостаточно аргументированно. Божь, что сегодня иудеохристианства не существует это миф. Есть христианство евреев, так же как есть христианство русских, англичан или японцев.

Иудеохристианство – термин, подразумевающий некий синтез между ветхозаветными обычаями и новозаветной верой. Пока этот синтез не существует нигде. Впрочем, должен сказать, забегая вперед, он существовал: была особая иудеохристианская Церковь, существовавшая около пяти столетий в начале нашей эры.

Маленькая преамбула. Часто вопросы религиозные смешивают с национальными.

Недавно в израильской газете "Менора" некий Барсела с пеной у рта писал, что еврей-христиане пытаются отравить национальное сознание израильтян, пытаются внести ересь Христову в их головы. Для него еврей, который принял чужую веру, становится отступником от своего народа. Конечно, для меня такого рода погромные речи являются нашей национальной формой черносотенства, потому что тут нет ни разумных доводов, ни логики – одни аффекты. Происхождение этих аффектов ясно: выработанная тысячелетиями схема конфликта между евреями и христианами. Тысячелетний антисемитизм и, наоборот, презрение к гоим – все это вызывало взаимную ненависть. Мы можем сейчас либо переживать эту ненависть снова (это легче), либо пытаться над ней подняться – как люди, как израильтяне, как представители любой национальности.

Итак, абсурдным, как мне кажется, является утверждение, что в наше время, в двадцатом веке, можно говорить об автоматическом тождестве наций и религий. Если человек неверующий, например, Троцкий или Каганович он все равно еврей. Если человек – оккультист или теософ, последователь Штейнера, и он еврей – он перешел в другую веру, но он все равно еврей. Разве не еврей был Спиноза, отлученный от синагоги? Все они были евреями.

В древнем мире нация, общество и религия почти всегда были тождественны.

Замкнутые цивилизации требовали этого, и это частично сохранилось в обществе более позднем. "Русский" и "православный" тоже считались тождественными терминами. Между тем мы теперь знаем, что русский может быть воинствующим атеистом, и православным, и баптистом – и не перестает от этого быть русским.

Лев Николаевич Толстой был в высшей степени русским, но никогда не был православным, во всяком случае, в свой сознательный период жизни. Мы вступили в такую эпоху, когда сама жизнь неизбежно заставляет разделять веру и нацию. В высказываниях вроде заявления Барселы видятся просто рецидивы прошлого. Напротив, я недавно познакомился с тезисами доктора Давида Флуссера, специалиста по рукописям Мертвого моря (кумранским материалам), раннему христианству и вообще по эпохе Второго храма. В этих тезисах он говорил о генетической связи между иудаизмом и христианством. Эта позиция профессора Иерусалимского университета здравая, спокойная, объективная, и под его тезисами я мог бы подписаться во всех пунктах, кроме тех, где речь идет о вещах мистических. Тут можно не спорить, а просто стараться поделить друг с другом какими-то внутренними убеждениями.

Прав ли был Давид Флуссер, утверждая, что иудейство и христианство есть единая вера, "one face" (так он и говорил)? Если он прав, то возможность иудеохристианства налицо.

Я могу ответить на это неоднозначно: Флуссер и прав, и неправ. Безусловно, Христос принял все то, что содержалось и в Библии, и в раввинистической духовной традиции, – все завещанное Ветхим Заветом наследие как нечто органичное, освящаемое Им. Но выразиться, как Давид Флуссер, что Христос был иудеем, жил в иудейской вере и умер за нее, не означает ли сказать нечто парадоксальное, потому что тогда непонятно – что же нового внесло христианство? Тогда христианства не существует! Мы же видим, что все-таки есть какая-то разница. Итак, я сейчас попытаюсь проследить, где в глубине есть точки соприкосновения и где начинаются расхождения.

Прежде всего я должен поставить эпиграфом слова Христа: "Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить" (Мф. 5,

17). Далекo не все понимают эти слова правильно.

Под словом "Закон" ("Тора") Христос не имел в виду весь конгломерат обрядовых предписаний. Он исходил из той концепции, которую выдвинул за несколько столетий до Него знаменитый раввин Гиллель, который говорил, что весь Закон и пророки заключаются в нравственном служении Богу, а все остальное – комментарии. Для Христа Закон заключался именно в этом. Главными заповедями Он считал "Шма, Израиль" ("Слушай, Израиль" (начальные слова заповеди о том: что Бог – един)) и вторую – "люби ближнего, как самого себя". В этом для Него был Закон. Кроме того, Христос никогда не отвергал внешних обрядовых постановлений. Только толстовцы, либеральные богословы, рационалистические критики полагали, что Он хотел основать некую религию без обрядов. Напротив, Иисус и Сам совершал обряды. Скажем, исцелив человека, Он говорил: иди, покажись священнику – так, как требовало того предписание Торы. Но Христос даже увеличивал количество обрядов: Он создал священнодействие Евхаристии на основании пасхального еврейского праздника. Он создал таинство крещения на основании иудейского обряда принятия прозелитов.

Иисус исполнял и устанавливал обряды, потому что обращался к живым людям из плоти и крови, которые нуждаются во внешних проявлениях своей веры. Но когда Он говорил, что Он пришел "исполнить Закон", это вовсе не значит, что Он хотел выполнять все заповеди. Очень многие хотели выполнять все заповеди. Рабби Шаммай – антипод Гиллеля – который тоже жил в 1 в. до нашей эры, старался исполнить все заповеди, которые только можно было изобрести, даже те, которых не было и в устной Торе. Он изобретал новые запреты, выводил их логическим путем из старых. Разве это имел в виду Христос? Нет. Слово, которое стоит в подлиннике этой евангельской фразы, обозначает не "исполнить" в смысле "выполнить". Там стоит "плеросис" – "восполнить", от слова "плерома" – "полнота". Христос хотел подчеркнуть, что учение ветхозаветное – это открытая система, которая нуждается в восполнении. Его учение, вернее. Его явление, было восполнением Ветхого Завета.

И для Нового Завета, и для Ветхого исходной теологической точкой является непостижимость Бога. Израильское сознание с большим недоверием относится к спекулятивной метафизике. Поэтому Бог был признан непостижимым, "Кадош" – Священным, совершенно Иным, которого созерцать человек не в состоянии. Об этом свидетельствовал запрет изображения Бога. Только символически Он мог присутствовать, только через Теофанию, через Славу Свою – через "Кавод", через Облако, огненный язык, светлый дым. Но к мысли о полной инаковости Бога по отношению к миру приходили все мыслители. Это, в конце концов, высший и заключительный аккорд мышления человека о Боге. В самом деле, когда человек порывает с грубыми мифологическими представлениями, поднимаясь все выше и выше, он наконец, приходит к идее Универсального, Чистого, Мирового Разума или Действия, Энергии, Силы – Божества, о котором нельзя ничего сказать. Возникает апофатическое богословие – богословие, которое исходит из того, что о Боге нельзя высказать ни одного позитивного утверждения, потому что Он превосходит все, даже бытие. Это апофатическое богословие было развито в индийской философии, было развито в греческой философии, особенно в неоплатоновской, у христианских Отцов Церкви. В Израиле это было выражено в понятии "Кадош" – понятии Святости Божией. Но такой, безмерно превосходящий всю тварную реальность Бог оказывался Отцом мира, любящим Отцом. В этом и заключалось необычайное, удивительное, потрясающее Откровение пророков: что Бог заинтересован в мире, что Он хочет сблизиться с миром, от которого Он далек, заключить с ним союз, "Верит" – договор. Присоединить к Себе, искупить, то есть взять в Свой удел, приблизить. Это необычайное чудо ведет от Ветхого Завета к Новому. Как же оно совершилось? Рационально описать этот процесс невозможно. Перед нами люди, действовавшие в Палестине и диаспоре в течение нескольких столетий, которые говорили от лица Божия и чувствовали в самих себе действие Бога настолько реально, что они говорили прямо от первого лица. Они не передавали слова Божий, а как бы становились Богом: "Выйди, народ Мой..." и т.д. Кто это говорит: Бог или пророк? Это говорит Бог через пророка.

Было множество попыток смоделировать это мышление, аналитически проникнуть в тайну двуединого сознания. Кое-что здесь сделано, кое-что достигнуто, но чудо остается чудом. В других религиях известно мистическое, экстатическое слияние с Богом, когда Божественное входит в человеческое. Но во всех тех случаях человеческое подавляется, оно растворяется, и это выражено в известной притче о статуе из соли, которая хотела познать вкус моря и растворилась в море.

Пифии, прорицатели, вещуны, вакханки, дионисисты, менады - все они говорили в состоянии безумия, одержимости, мании (отсюда слово "менада"). А пророки не только оставались теми, кем они были, сохраняли сознание личности, но они даже спорили с Богом. Иеремия не хотел проповедывать того, что Бог ему велел. Ему было жалко и Иерусалим, и свой народ, и однако он говорил: "Тако глаголет Господь ... будет город разрушен и ковчега никто не вспомнит, потому что не будет его" (Это не точная цитата из Библии, а скорее выражение сути проповеди Иеремии, как она изложена в Иер. 5.16-17: "В те дни, говорит Господь. не будут говорить более: "ковчег завета Господня"; он и на ум не придет, и не вспомнят о нем, и не будут приходить к нему, и его уже не будет. В то время назовут Иерусалим престолом Господа". Ср. Иер. 5,17: "Разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься"). Он плакал, и жаловался, и говорил Богу, что ему не хочется идти с такой проповедью, но Слово Божие было в нем. Вот этот феномен (если это можно назвать феноменом - я употребляю это слово неточно) удивительной близости двух "я": Божественного "Сверх-я" и тварного человеческого "я", - этот феномен выявляет самое глубокое в израильской религии.

Когда же является Христос, Сын Человеческий, в Нем этот феномен достигает абсолютного уровня. Достигает такого уровня, в котором Божественное и человеческое почти неразличимы. Перед нами единая Личность, а не просто посланник - хотя Христос часто говорит о Себе, как о Посланнике. Пророков жгло Слово Божие - Христос говорит: "Я и Отец - одно". Пророки так никогда не говорили: пророк Исайя, обнаружив перед собой Видение Божие, говорил: "Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами ... и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа" (Ис. 6, 5). У Христа никогда не было сознания греха: "Аз есмь свет" - говорит Он (Ио. 8, 12). Совершенно иное сознание: это Пророк, который полностью отождествился с Богом, Пророк, в Котором человеческое сознание и Божественное слились в одну феноменальную личность - только такая Личность могла создать мировую религию для миллиардов людей на многие-многие века. И, как правильно говорят большинство христиан, главное, что приносит нам Евангелие - это не новая доктрина, а высочайшее, величайшее соединение Бога с человеком. Христос говорит: "Я есть Путь" (Ио. 14, б)... "Все предано Мне Отцом Моим" (Мф. II, 27). Он открывает Бога через Себя, потому что Он Сам в себе Его носит в абсолютном смысле.

И здесь уже может говорить только вера. Когда люди увидели Его, почему они пошли за Ним? Потому что Он сказал им: "Любите Бога"? Но так говорил и Гиллель, и пророки, и Тора. Потому что Он сказал им о Божественном Милосердии? Так ведь об этом писал и пророк Осия. Потому что Он сказал им о Царствии Небесном? Но о Царстве Божиим говорили пророк Даниил, апокрифы, все апокалиптики. Все ждали этого Царства. Что же привлекло - что Он творил чудеса? Но и чудотворцы были в Израиле. Были и предсказатели: ессей Менахем предсказал Ироду, что он будет царь, когда Ирод был еще мальчиком. Ессей Иуда около 100 года привлекал всех тем, что он прекрасно предсказывал. Был такой дар в Израиле, и сейчас он, наверное, не вымер. Но все это не то. Ни один из них не создал ничего подобного христианству.

Уникальная, феноменальная сила Присутствия Бога в этом Человеке и создала христианство. Когда критики Евангелия говорят, что там нет учения о Божественном начале Христа, что это не Богочеловек, а просто пророк, они лишают Евангелия правдоподобия. Христос, который проповедывал бы толстовство, никогда бы не смог сделать того, что было сделано. Такую личность как Христос не смог бы изобразить даже гений, а Евангелие написано четверьмя людьми. Но тем не менее, как свидетельствуют все объективно читавшие Евангелие, даже в плохих переводах, в устаревших переводах все равно чувствуется сила Христа. Откуда? Все четыре евангелиста - гении? Нет. Их свет - это лунный свет, отражающий солнечный. Была такая Личность.

Больше того, как говорил один из современных богословов, для нас Иисус не просто был, а Он есть. И есть не только в памяти, а, совершив свое дело на земле. Он включается в Богочеловеческое действие. Он осуществляет тот самый Завет, который предсказывал Иеремия, - Завет между Богом и людьми.

Этот Завет в сознании Израиля был связан с грядущим Царством. В отличие от всех, или, по крайней мере, большинства, преобладающего большинства древних религий израильская религия была не статической, а динамической. Все религии были системами из обряда, морали и верований. Израильская религия заключала в себе некую надежду на будущее. Она была путешествием, которое начал Авраам и продолжал ее в неведомую даль. Это было всегда ожидание чего-то свершающегося

впереди, причем чего-то исключительно грандиозного; "Настанет время, когда из Сиона выйдет Закон, и Слово Господне из Иерусалима, и соберутся все народы, и потрясется небо и земля. О, если б Ты разверз небеса и сошел!". Что-то космическое, какое-то необыкновенное Божоявление было в предчувствии пророков. Надо считать их либо заблуждавшимися глубоко, либо слепцами – потому что если отвергать, что это случилось, что это произошло в христианстве, тогда непонятно, о чем говорили пророки. О возрождении Израиля, как государства? Представим себе, что пронесутся годы и прекратятся войны, и будет небольшое государство – одна из многих прибрежных стран, с обычным парламентом, с обычными грехами, с обычными ресторанами. Можно ли сравнить это с тем, о чем грезил пророки? Что небо и земля потрясутся, что весь мир будет потрясен?

Пророк Исаяя, так называемый "Второ-Исайя", говорит, обращаясь к Израилю – к его олицетворению, служителям: "Я сделаю Тебя светом народов" (Ис. 49,6). В каком отношении? Когда это случилось? Это действительно случилось. Причем только единственный раз – больше этого не было. Две тысячи лет назад Ветхий Завет был взят Христом в правую руку, выражаясь образно, отдан народам и они пришли и поклонились. Все совершилось. Это совершилось, хотя эти народы были грешными, столь же грешными, как и Израиль. Они так же отступали от Бога, нарушали Его Волю, как Израиль в Ветхом Завете. Но тем не менее они встали под этот знак, под это знамя. Это произошло. В Ветхом Завете ожидался пророк, царь и первосвященник. Христос был пророком в том смысле, о котором я сейчас говорил – ибо в Нем действовал Бог. Он был Царь, потому что Он является сейчас Царем – Владыкой Новой Жизни, о которой, конечно, нельзя говорить в отвлеченных терминах. И, наконец, Он – первосвященник. Первосвященник – это тот, кто был посредником, кто стоял между алтарем, народом и Небом. И вот Христос есть именно врата – Он Сам себя называет: "Аз есмь дверь" (Ио. 10,9) – открытые врата в Небо.

Противоречит ли это ветхозаветной вере? Нисколько. Потому что во времена Гиллея, Шаммая, во времена первых таннаим верили, что этот ир ("Олам ха-зэ") сменится будущим миром ("Олам ха-ба"), в котором все будет иным. Верили, что Бог приблизится к человеку, что наступает иная эра. В этих же терминах пишет апостол Павел, которого многие еврейские писателя несправедливо упрекают в отрыве от иудаизма, хотя он весь жил иудейскими понятиями. "Проходит образ мира сего", – говорит апостол Павел (1 Кор 7, 31), и Христос говорит о двух мирах, о двух веках, о двух зонах. Только Он говорит о том, что с Его явлением кончился Ветхий мир и начинается история Нового. Само по себе это учение не противоречило упованиям фарисеев и книжников. Мы знаем, что многие фарисеи и книжники обратились в христианство,

Закон, который был дан Богом на Синае и после Синае, апеллирует к человеку, к его воле, к его совести, к его разуму. Но он не дает человеку сил исполнить то, что он повелевает. Поэтому апостол Павел сравнивал его с оградой, да и в Талмуде он называется "оградой". В "Пирке-авот" (один из трактатов Талмуда) говорится: "Сделайте ограду, закон". Закон ограждал, выполнял преимущественно охранительную функцию.

Что же является в Новом мире, который возвещает Христос? Теперь уже Бог взаимодействует с человеком непосредственно, и благодаря этому возникает та сила, которую мы называем "благодатью", которая помогает человеку становиться исполнителем Воли Божией. Для этого уже не нужно выполнение всех ветхозаветных ритуалов. Они были защитным приспособлением, которое должно было сохранить нацию и веру в могущественном языческом окружении. Когда функция защиты отпала, отпало и многое из ритуалов. Священные авторы, которые собирали постановления Торы касательно ритуалов и запретов, пользовались и самыми архаическими представлениями, табу. Половина законов, которые есть в Торе, уже существовали прежде, они были заимствованы у древних вавилонян, у древних хананеев, у жителей государств Финикии и Эблы. Заимствование было средство создать такое религиозно-правовое, обрядовое, жизненное целое, которое держало бы народ, цементировало бы его, делая крепостью среди языческого моря.

В эволюции часто происходят следующие явления: защитные механизмы организма становятся не защитными, а тормозящими. Нередко так бывало и в нашей истории. Броня Торы становилась часто столь неповоротливой, что метала духовному развитию. В Талмуде сказано: "Не делай слишком большой ограды Торы, иначе она обвалится и задавит насаждения". Весьма поучительное предупреждение. Это происходило неоднократно. Это не особенность еврейской психологии, человеку как таковому свойственен ритуализм. Каждой цивилизации свойственно тяготение к

многочисленным обрядам, которые бы связывали воедино жизнь, будь то конфуцианские правила, будь то римские законы. Все это системы, имеющие функциональное значение. Но система закона может превращаться в самодовлеющее начало, может становиться фетишем, может мешать жить и т.д. Когда Христос выступал против книжников и фарисеев, Он выступал против их злоупотребления формой. Он никогда не отрицал субботы: суббота, говорил Он, дана для человека, т.е. для отдыха и для праздника (Мк. 2, 27). Но когда люди делали из этого культ, когда они считали, что в субботу нельзя помочь человеку, вытащить его из беды, это уже становилось карикатурой на заповедь. Подобные вещи свойственны законничеству всех времен и всех народов.

Так мы снова возвращаемся к центральному пункту. Христианство есть Откровение Бога через личность Христа. Мы познаем это откровение во внутреннем опыте, который основывается на Евангелии. Является ли это уходом от иудейского монотеизма, изменой ему, "паганизацией" иудаизма (от слова *paganus* - "языческий", т.е. "объязычиванием" иудаизма)? Нисколько. Дело в том, что задолго до христианской эры в иудейском богословии возникла мысль об ипостасях в Божестве. Руах Элохим ("Дух Господень"), и Хохма ("Премудрость") и Мемра (арамейское понятие о Слове). Все эти ипостаси Бога действовали, как Сам Бог. Если вы возьмете наиболее ранние пласты Библии, вы найдете там выражение "Манеах Элохим" - "Ангел Бога", который был одновременно Богом. Есть некоторое саморазличение внутри Божества, есть некие лики внутри - это не значит, что это боги. Это не значит, что Премудрость Божия, Слово Божие и Дух Божий - это отдельные боги. Но это и не только атрибуты Бога. Если вы внимательно почитаете Притчи Соломоновы, вы увидите, что Премудрость говорит о Себе, что Она присутствовала при самом сотворении мира, что Она была художницей и т.д. Божественным Теофаниям, Богоявлениям свойствен некий личностный аспект - они ипостасируются.

Когда мы говорим о действии Слова Божиего во Христе, мы продолжаем, углубляем, развиваем веру Ветхого Завета в могущественное действие Слова Божия. Когда мы говорим о Духе, который горит в огненных языках над апостолами, витает над Иисусом на Иордане, когда мы говорим о Духе, Которого Иисус обещает послать Своим ученикам и посылает, чтобы они потом шли в мир проповедывать, мы по-прежнему говорим о Боге, о том самом Руах, который созидает мир, подымает мертвые кости (Иез. 37,7), созидает народ. Мы углубляем веру Ветхого Завета в Премудрость, когда вместе с апостолом Павлом исповедуем Христа, Божию Премудрость (1 Кор 1, 24). "Премудрость" - это перевод еврейского слова "хокма". "Логос" - слово, которое употреблено Евангелием от Иоанна - это перевод (и, конечно, углубление) на греческий чисто ветхозаветных понятий. Таким образом, Троичное богословие, бесспорно сложное - и сейчас нам неуместно говорить об этом подробно - коренится в ветхозаветном богословии и никакого отношения к многобожию, язычеству не имеет.

Другое дело, что попав в языческие страны, христианство, конечно, впитывало элементы язычества. Сами евреи, попадая в различные страны, тоже впитывали эти элементы. Один пример. Археологи раскапывали ханаанский город и нашли там остатки жертвоприношений, причем было видно, как приносилась жертва, какие части шли жрецу. Все оказалось так, как в книге Левит. А евреи только что пришли - значит, они заимствовали это у хананеев. Херувимы, которые охраняли ковчег, тоже нееврейского происхождения, и множество других вещей. Взаимодействуют народы, взаимодействуют культуры. Ничего страшного здесь нет. С этим приходится бороться, когда это взаимодействие разрушительно.

Первые христиане не только не вызывали агрессии, подобно той, как вызывают сейчас иногда в Израиле, но они находились в любви у всего народа, как отмечает книга Деяний. Их любили как очень благочестивых людей. К ним примкнули многие фарисеи. Рабби Гамалиэль, внук великого Гиллеля, относился с симпатией к христианам. Много позже возникла легенда, что он стал тайным христианином. Во всяком случае, на суде, когда саддукейский Синедрион пытался осудить апостолов, он заступился за них и сказал: "Мы не знаем, может, это дело Божие? Не следует их преследовать" (изложение речи Гамалиила в Деян. 5,34)..

Когда апостола Павла предали церковному трибуналу, то фарисеи встали на его защиту, ибо он крикнул: "Отцы и братья, я фарисей, сын фарисея. Меня судят за чаяние воскресения мертвых!". И фарисеи набросились на саддукеев и сказали: "Ни в чем не повинен человек. А если ангел или дух говорил им, то мы можем стать богопротивными" (вольное изложение событий, описанных в Деян. 23). Мы знаем, что был убит саддукейским Синедрионом апостол Иаков, брат Господень. Из Иосифа

Флавия известно, что это так возмутило фарисеев - противников Синедриона - что они отправились к римлянам, потребовали смещения первосвященника и добились своего. Это вызвало большое недовольство, как пишет Иосиф Флавий.

Больше того, когда стали появляться христиане-язычники, то к христианам-евреям они относились как к элите. Поэтому доктор Флуссер говорит, что евреи мости бы стать в христианстве своеобразной кастой брахманов. Конечно, такое было возможно, но как раз этого и надо было избежать. Евреи-христиане сами претендовали быть элитой. Более того, христиане из язычников к этому были крайне склонны: еще в V-м и VI-м веках христиане-греки, христиане-персы, когда освящали урожай, освящали дом, вообще совершали какие-то сакральные действия, обязательно звали еврея, потому что считали, что его благословение действеннее.

Я не отрицаю, что на евреях могла почить некая тайная Благодать. Мы, однако, народ буйный, "жестоковыйный". Бог именно таких и выбрал, потому что тихие никогда бы не создали мировую религию. Гордость у нас и так достаточно развита, подпитывать ее не следует. Напротив, здоровое смирение полезней сознания своего величия. Нехорошо, конечно, унижать человека, но и не следует носиться со своей избранностью. Это выглядит очень навязчиво, некрасиво, и между собой мы можем это говорить. Скромность никогда никому не мешала. Слишком легко надоест. Мы и так довольно громко заявляем о себе, начиная с Библии и кончая (замечу в скобках) последними военными событиями.

Когда стали креститься первые язычники, то большинство евреев сказало: "Как, не приняв Моисеева Закона, они становятся христианами?! Нет, они должны пройти через обрезание и все прочие вещи". Это было трудно, это стало ощутимым препятствием. Для многих греков и римлян это было совершенно неприемлемо. Не надо забывать, что обрезание было принято в Египте, у арабов, но в западном мире совершенно не было известно. Поэтому и был собран апостольский Собор, о котором может быть, некоторые из вас слышали. В 51-ом году, в Иерусалиме, было решено, что евреи-христиане могут соблюдать все обычаи Закона, но христиане из язычников освобождаются от этого. Дальнейшее развитие Церкви показало, что это освобождение стало важнейшим фактором в распространении христианства в мире.

Евреи-христиане продолжали жить замкнутыми небольшими общинами, читали Библию на иврите (а не на греческом, как в первых общинах христиан из язычников). В этих общинах соблюдалась суббота, они сохранили первоначальное название христиан - "ноцрим", то есть, "назаряне", в память об Иисусе из Назарета, Йехошуа ха-Ноцри. Называли их и эвионитами, "бедняками". У этих общин были свои епископы, свои храмы. Когда после восстания Бар-Кохбы евреи стали возвращаться в Иудею, в Назарете вновь поселились родственники брата Господня Иакова, близкие к Христу люди. Там они жили - у них были свои дома, были построены небольшие храмы.

В середине II-го века Иустин Мученик писал, что он знает (он жил в Палестине) таких людей, которые соблюдают Закон и живут по-христиански. Все это просуществовало до тех времен, пока в Палестине не начались войны, разгромы, выселение иудеев. Потом пришли арабы, и христиане-евреи исчезли. Впрочем, в значительной степени были вытеснены оттуда и "обычные" евреи. Такова была первоначальная история иудео-христианской Церкви. Она имела у себя таких авторитетов, как апостола Иакова - брата Господня, апостола Иуду, Симона. Кое-что о ней рассказывают раннехристианские писатели, но мало.

Однажды я спросил одного еврея, который с недавних пор стал считать себя религиозным, относится ли он к иудаизму как к истинной религии. Спросил я, возможно, несколько грубовато, но не без умысла. Он ответил, что считает иудаизм истиной для евреев. На что я возразил ему, что истина может быть только для всех или ни для кого. Или это истина, или это ложь. Если дважды два для китайца - это четыре, то это истина и для индуса. Следовательно, не может быть специальной еврейской религии, хотя могут быть национальные религиозные обычаи. Правда, есть и христиане, считающие чужим "еврейского Бога". Но ведь Церковь устами св. Иустина прямо говорит, обращаясь к раввину Тарфону: "Не иному Богу мы поклоняемся, как Тому, который вывел ваших отцов из Египта рукою крепкой, мышцей высокой" (дольное изложение слов св. Иустина: "Не иного Бога почитаем нашим, а другого вашим, но признаем одного и того же, который вывел отцов ваших из земли египетской рукою крепкою и мышцею высокою" (Сочинения святого Иустина философа и мученика. Сост. П. Преображенский. М" 1892 (репринт 1995), с. 150)). Что касается мнения о Боге, то еще Иосиф Флавий гордился тем, что евреи не опускаются до богословских споров. Фарисеи, саддукеи, zeloty, караимы, каббалисты, реформаторы, - все это было внутри иудаизма. В иудаизме редко возникали преследования инакомыслящих, как гонения на хасидов, Маймонида или

Спинозу.

Иудейская религия задумана - я употребляю этот термин специально - Богом как мировая религия. Это явствует из всей Библии. Эта религия не может оставаться в рамках Израиля. То, что было сложено в рамках нашего народа, должно быть и было вынесено для всего мира, Несмотря на взаимные конфликты, взаимные обвинения, взаимную борьбу, о которой я сейчас не буду говорить, мысль о родстве и близости двух вер сейчас все более и более становится очевидной. Мартин Бубер называет Христа "центральным евреем". Доктор Флуссер говорит, что Христос - это не Цезарь, что Иисус раньше разъединял евреев, а теперь будет объединять.

Знаменитый английский политический деятель Дизраэли говорил о том, что с Евангелием семитское культурное начало было внесено в Европу и стало неотделимо от Европы. Так же думал знаменитый историк церкви Неандер (XIX век), который перешел в христианство в сознательном возрасте, так же думал Бергсон и многие другие.

Я не думаю, что такие опыты, которые предпринимал Иосиф Рабинович (см. об этом в предисловии "От редакции") и другие проповедники, имели смысл. Деятельность Рабиновича была попыткой все-таки ассимилировать еврейские группы. Она была очень непоследовательна. Будущее разрешение конфликта должно бы иным. Кто-то из евреев может признать во Христе великого учителя и пророка - высшего из их народа. Мы же знаем, что Он более чем пророк, и для нас Его голос - это голос Божий. Его Лик - это лик Предвечного. Большого, чем это, добавить невозможно. Большого нам даже не нужно.

Сейчас в Израиле люди верующие составляют меньшинство. Большинство людей вообще отпало от всякой веры, живет в бездуховности. Мы должны считать добром, если этим людям будет не навязана какая-то официальная государственная религия, как бывало в прошлые века, а будет открыт свободный путь выбора. Если они вернуться к иудаизму - хорошо, если они будут искать другие выходы - хорошо. Если они придут к христианству, они от этого не перестанут быть-евреями, а только прочнее свяжутся со своей традицией. Но это уже будет традиция не в архаическом смысле, не в замкнуто-национальном, а в широком, всемирном, могучем, как самая основа Церкви.

Континент
N95, 1998.